

Владислав Софронов

«СУВЕРЕННАЯ БЮРОКРАТИЯ»

16 февраля 2008 года в Институте Восточной Европы состоялся круглый стол на тему «Феномен суверенной бюрократии». В нем приняли участие директор Института Александр Погорельский, заместитель директора Института Восточной Европы, профессор социологии и международных исследований в Университете Нордвестерн (Чикаго) Георгий Дерлугьян, заведующий отделением культурологии философского факультета ГУ-ВШЭ Виталий Куренной, сотрудник Института Европы РАН, доктор исторических наук Дмитрий Фурман, заместитель главного редактора журнала «Русский репортер» Руслан Хестанов, кандидат философских наук, профессор кафедры политологии Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина Александр Фисун, президент Центра либеральных стратегий (София) Иван Крастев, сотрудник Центра Карнеги Николай Петров, профессор РЭШ Владимир Попов. Основной задачей круглого стола были определение теоретических подходов к такому явлению, как «суверенная бюрократия», выработка методов его исследования и обсуждение формы представления результатов такого исследования.

Круглый стол открыл директор Института *Александр Погорельский*. Он отметил, что в условиях сегодняшнего кризиса объясняющих парадигм чрезвычайно важно присмотреться к реальным процессам, протекающим в мире, чтобы ответить на главные вопросы: кто распоряжается сегодня в мире, кто его хозяин? Одной из новых парадигм объяснения в таком случае может стать та, что за последнее столетие в реальном процессе принятия решений, в способе распоряжения общественным богатством произошли сдвиги колоссального масштаба. И эти сдвиги связаны, прежде всего, с возникновением и воцарением суверенной бюрократии.

Если ранее бюрократия была «служилой», мыслила себя как слуга господина или общества, то сегодня она во многом замкнулась исключительно на обслуживании своих собственных интересов. При этом она многократно увеличилась количественно, стала играть непосредственную роль в общественном производстве, реально распоряжаться общественными ресурсами, коротко говоря, она стала основным агентом жизни общества.

Исследовав эту проблему, отметил А. Погорельский, мы сможем понять не только перспективы предстоящего развития, но, возможно, ответить и на вопросы, относящиеся к прошлому: почему не удался социалистический проект в Советском Союзе и странах народной демократии? Возможны ли другие модели, где вменяемый чиновник будет распоряжаться общественными ресурсами? Во всех отношениях это ключевые вопросы. На этом пути нам, возможно, предстоит совершить не только открытия, но и развеять множество мифов, например, миф о том, что реальные решения во всем мире принимаются не суверенизированной бюрократией, а, скажем, парламентами или местным самоуправлением.

Директор Института Восточной Европы предложил остановиться в предстоящем разговоре на двух ключевых вопросах: определении методов исследования суверенной бюрократии и того, как следует организовать эту работу.

Заместитель директора Института *Георгий Дерлугьян* отметил, что в изучении феномена суверенной бюрократии восточные европейцы имеют определенный приоритет, связанный как с тем, что в нашем регионе это феномен оказался чрезвычайно развит, так и с взаимосвязью между процессами глобализации и возникновения суверенной бюрократии, и одна из задач — ответить на вопрос о том, какой из этих процессов первичен?

Когда мы говорим о бюрократизации мира, то не следует думать, что это не касается и развитых стран. Так, Европейским Союзом управляет мощная «евробюрократия», с другой стороны, играющие важную роль в мире транснациональные корпорации имеют во главе свою собственную чрезвычайно развитую бюрократию.

Бюрократия это машина, которая может быть использована как для благих целей (образование, здравоохранение и т. д.), так и для репрессивных. Вероятно, один из путей поставить бюрократию на службу обществу — это понять ее исторические источники в человеческих обществах. Обратившись к такому феномену, как «вождество», можно увидеть, что бюрократический аппарат возникает тогда, когда у завоевателя появляется необходимость в регулярном управлении захваченными территориями. При этом у властителя всегда существует дилемма между управлением по личному произволу и управлением в институциональных рамках. При управлении по произволу неизбежен кризис в момент передачи власти. В этом отношении бюрократия является механизмом трансляции власти в пространстве и времени.

Но как любой механизм, бюрократический механизм может выйти из под контроля, тем более, что состоит он из живых людей с собственными интересами. Поэтому одним из направлений исследований могло бы стать изучение этих интересов, анализ своего рода «патологий», которые вполне могут оказаться повторяющимися в разных общественных и исторических условиях.

Выступавший выделил три направления исследования феномена суверенной бюрократии. Это, во-первых, теоретический синтез уже имеющихся исследований. Далее, сравнительно-историческое направление: откуда

берется бюрократия, в каких формах она существует в разных культурах, причем не только в европейских? Третье направление — это эмпирические исследования: что мы знаем про советскую бюрократию? Что с ней происходило в 90-е годы? Что приводит к ее суверенизации? Объединение усилий на этих трех направлениях и может дать нам комплексную картину генезиса и функционирования суверенной бюрократии.

В продолжение дискуссии *А. Погорельский* сделал замечание о том, что бюрократия сегодня является не столько механизмом, сколько организмом: это самостоятельная социальная группа, и необходимо исследовать как устроена эта группа, как организовано взаимодействие внутри нее, а также с внешним окружением, как формируются и реализуются решения. Сегодня не политики формируют задачи бюрократии, а бюрократия создает политиков, а потом через них ставит сама себе задачи — это еще одно свидетельство автономизации бюрократии.

Почему Восточная Европа является очень важным полигоном для изучения всех описанных процессов? Здесь бюрократия не только перестала служить общественным интересам, но и утратила сам «миф о служении». Вспомним, что представляла собой советская бюрократия. Это была та же самая суверенная бюрократия. Очевидно, что партийный аппарат уже к началу 30-х годов стал частью государственного аппарата. И он выполнял ряд очень важных функций: с одной стороны он поддерживал горизонтальные связи в экономике и обществе, а с другой — обеспечивал идеологическое прикрытие режима. Атавизмы базовой идеологии, скреплявшей систему, сохранялись до самого конца, поэтому сохранялась иллюзия служения, легитимирующая власть советской бюрократии.

Сегодня в постсоветском пространстве мы видим, что подавляющая часть бюрократии почти полностью утратила иллюзию служения чему-либо, кроме собственного интереса. И этот новый феномен здесь доведен до некоего предела. На таких предельных режимах как раз и проявляются коренные особенности суверенной бюрократии. Объединяя разные подходы (в том числе исторический, теоретический и нормативный), мы должны тем не менее понимать, что изучаем бюрократию в ее совершенно новом качестве и абстрактные теоретические модели должны постоянно соотносить с живой реальностью. Поэтому если мы зададимся вопросом, сформулированным в начале нашей встречи, «кто является хозяином страны?», то можем на него предварительно ответить: «хозяином страны является бюрократия и привластный бизнес». Эти две группы неотрывны друг от друга, существует плотная уния между ними, без которой система не может функционировать. Сегодняшний бюрократ в Восточной Европе и в России зачастую рассматривает свою позицию как бизнес. Он нередко покупает свою должность и ему нужно вернуть вложенные деньги с прибылью, то есть это, по сути, инвестиция. Понятно, что в рамках самого бюрократического аппарата ему решить задачу получения доходов не просто, поэтому у него всегда есть некоторое бизнес-окружение — это не следует упускать в предстоящем исследовании.

Виталий Куренной согласился с тем, что проблема бюрократии, конечно, является ключевой и для России, и для ситуации в мире в целом, и сформулировал диагноз происходящему отчасти в терминах Агамбена, отчасти Карла Шмидта. Мы имеем дело с установившейся диктатурой, диктатурой исполнительной власти. До последнего времени не было ясно, является ли она суверенной диктатурой или комиссарской, но сегодня уже понятно, что это чисто комиссарская диктатура. Путин открыто говорит, что страна будет под «ручным управлением» еще 15–20 лет. Действие конституции приостановлено и предпринимаются попытки диктаторским способом перевести страну к состоянию, в котором конституция сможет заработать. Здесь нужно сказать, что Агамбен очень пессимистически смотрит на этот процесс, который не является только российским, он считает, что «режим чрезвычайного положения», вводимый исполнительной властью (то есть бюрократическим аппаратом), нарастает, интенсифицируется на всем протяжении современности и особенно после Первой мировой войны. Агамбен считает, что у нас нет перспектив выхода из такого режима функционирования власти в основных странах мира, тут динамика исключительно односторонняя. Поэтому диагноз В. Куренного, заключающийся в констатации наличия в России комиссарской диктатуры, более оптимистичен, чем мрачное видение Агамбена.

Что же касается широкой теоретической рамки, то, безусловно, она должна выходить за пределы собственно теории бюрократии. Мы имеем дело с процессом модернизации, что нужно понимать как рационализацию социальной и политической жизни, всех ее сфер. Именно в этом контексте и нужно подходить к теории бюрократизации, то есть смотреть на нее более широко. А это предполагает не только процессы рационализации, но сопровождающие их и составляющие их изнанку компенсаторные процессы иррационализации, о которых писал Герман Люббе, это основное положение его «теории компенсации».

Возможно, кроме того, в обсуждении темы бюрократии следует поставить под вопрос термин «суверенная». Понятны все выгоды этого термина, вытекающие из сегодняшней ситуации, но современную бюрократию нельзя рассматривать только в национальном масштабе. Нужно учитывать два взаимосвязанных процесса, две системы: бюрократия, оформленная в виде национальных режимов, и международная бюрократия, международные институты. Эти две структуры надо рассматривать не только как связанные, но и друг друга поддерживающие, находящиеся во взаимной динамике. Причем изучение международной бюрократии подразумевает исследование не только таких структур, как МВФ или ЮНЕСКО, но и бюрократии, которую создают неправительственные организации, этой своеобразной глобальной культуры. Сюда относится, кстати сказать, и такая глобальная организация, как церковь. Тут очень важно понять как эти две структуры — национальная и международная — связаны. Например, аппараты таких международных организаций, как ЮНЕСКО или МВФ, являются своего рода «отстойниками» для национальных бюрократий. Надо показать, как они влияют

друг на друга: как, например, деятельность международных организаций интенсифицируется под влиянием неблагоприятных внутринациональных обстоятельств. И вообще — когда национальные бюрократии заинтересованы в том, чтобы сдерживать рост таких интернациональных структур, а когда хотели бы этот рост интенсифицировать.

Виталий Куренной остановился и на вопросе оптимизации управления. Мы знаем, что неоднократно происходили революции в способах управления. Сегодня в России, в связи с неудавшейся административной реформой, что признают и Путин и Медведев, происходят попытки перейти к новым моделям управления, новым бюрократическим моделям. Кому выгодны эти модели? Почему они вводятся? Кроме того, продуктивно было бы развести два уровня: с одной стороны, институциональная технология, сам способ координации и управления, а с другой стороны, антропный материал, сами бюрократы. Безусловно, это материал и для социального, и для антропологического исследования, вспомним понятия «бюрократический тип», «бюрократический характер». Наконец, чрезвычайно важный вопрос — это вопрос ценностей: проблема правил и решений, проблема рациональной технологии и ее иррациональной изнанки. Это и мотивации, и идеологии, и то, что движет всеми этими механизмами — инстанция принятия решения.

Дмитрий Фурман начал свое выступление с постановки проблемы определения бюрократии. И одно из ее возможных определений таково: это иерархия, в которой назначения происходят по воле начальства — я назначаю своих подчиненных, меня самого кто-то назначил, того, кто меня назначил, тоже кто-то назначил, и продвижение в этой иерархии зависит от воли вышестоящего. Тогда нужно учитывать, что не всякая иерархия, которая кажется бюрократической, является таковой, и наоборот — иерархия по видимости небюрократическая может быть бюрократией. Например, китайская бюрократия, считающаяся образцом бюрократии, была не совсем таковой — потому что была построена не на принципе назначения нижестоящих вышестоящими, а на принципе очевидных и объективных достижений. Другой пример антибюрократической иерархии — иерархия спорта, где все построено на объективных результатах.

Напротив, пример бюрократической иерархии под видом небюрократической — это современный депутатский корпус в России. По идее, депутаты не назначаются, а выбираются народом, но на самом деле это назначенная иерархия. И вообще указать на чисто бюрократическую структуру очень трудно, это некоторый идеальный тип, который в реальности всегда существует в нечистом виде, бюрократические иерархии всегда существуют в соседстве с небюрократическими или ограничиваются небюрократическими принципами.

Далее Дмитрий Фурман указал, что бюрократическая иерархия по определению не суверенна. Это связано с проблемой назначения того, кто на самом верху. Даже идеальная бюрократическая иерархия всегда упирается наверху в некую точку, которая по определению не может быть бюрократической.

тической. Это или царь, который оказывается на своем месте по династическому (то есть небюрократическому) принципу, или, скажем, выбираемый президент.

Другой момент заключается в том, что иерархия по назначению, бюрократическая иерархия, неизбежно приводит рано или поздно к вырождению властвующего класса — пример СССР здесь очень нагляден. Однако существуют и «ограничители» бюрократического принципа управления, они тоже должны быть показаны.

В заключение Дмитрий предложил модель конкретного эмпирического исследования бюрократической структуры: подробное изучение конкретной бюрократической организации, например, научно-исследовательского института: от формальной организации до всего богатства неформальных связей.

Иван Крастев отметил, что в исследовании проблемы демократии есть две тенденции, они заключаются в двух разных формулировках: кто узурпировал власть? Или: *что* узурпировать? Суверенная бюрократия очень интересная проблема, даже в глобальном масштабе. Но чтобы ее понять, надо анализировать не бюрократию. Потому что с точки зрения бюрократии ничего не поменялось. Вся та конкретика, о которой говорилось, это универсальные феномены. Даже коррупция — в 18 и 19 веках в Англии, скажем, была институционализирована: человек покупал место, потом приватизировал его и извлекал прибыль. Если что и изменилось с тех пор, так не бюрократия, а та среда, в которой она функционирует. Бюрократия — это максимизация предсказуемости: в идентичных ситуациях принимаются идентичные решения. Поэтому она так интересовала Вебера, это позволяло видеть предсказуемость.

Выступавший поставил вопрос: каковы типы политических решений, принимаемых суверенной бюрократией? Ведь это просто патологически неэффективно функционирующая бюрократическая система. Ее представители обладают властью, но у этой власти нет ни легитимности, ни идеологического основания. То есть у суверенной бюрократии две проблемы. С одной стороны, проблема «потребителя», который не знает, что получит, не знает, кому и сколько давать. Но с другой стороны, это проблема власти, которая начала строить управляемую демократию, а у нее все время выходит неуправляемый авторитаризм. Здесь традиционно два решения. Первое: построить легитимизацию через мобилизацию символического ресурса. Второе — решить проблему эффективности.

Поэтому главное затруднение для суверенной бюрократии — это исчезновение политического измерения. Все политические вопросы понимаются как вопросы управления, а все политические институты оказываются неполитическими. Чтобы проанализировать суверенную демократию как особый тип режима, нужны два разных типа исследования. Первое — изучение бюрократических правил, показывающее как система работает. И второе — изучение среды, в которой система работает. И здесь, и еще меньше на Западе, интересуются идеями и представлениями тех, кто управляет, интерес

к идеологии потерян. Все сводится к системам, которых бесчисленное количество. В итоге мы снова приходим к выводу, что изучение среды, в которой функционирует суверенная бюрократия, может дать нам больше для понимания ее как особого рода режима.

Николай Петров рассказал о разрабатываемом в Центре Карнеги проекте по так называемой сверхуправляемой демократии, в рамках которого в том числе изучается бюрократическая система и ее механизмы. Общая идея заключается в том, что построенная система, частью которой является суверенная бюрократия, крайне неэффективна. Поэтому или она в ближайшее время сама себя модернизирует, или просто окажется не в состоянии управлять сложной страной и ее заменит какая-то другая система.

Основным элементом системы является замена демократических институтов субститутами. Все эти структуры объединяет только одно: все они не имеют никакой самостоятельности и легитимности кроме президента как такового. Поэтому когда уходит президент, то все завязанные на него субституты перестают выполнять свою роль. Это напоминает сказку о Золушке: бьют часы и карета превращается в тыкву, много лет выстраиваемые Путиным подпорки могут перестать поддерживать систему.

Наша бюрократия построена крайне неразумно. Главное — в ней нет структур, отвечающих за общесистемный эффект. Каждый человек или институт решает только конкретную задачу, даже тогда, когда это решение может входить в конфликт с системой в целом. Пример — избирательная система и отмена прямых выборов губернаторов.

Еще один аспект эволюции административной системы последнего времени это стремление найти простые решения для сложных проблем. Когда говорится, что разрушен федерализм, это не означает, что система враждебна федерализму как таковому. Это означает, что само представление о федерализме, где высшая власть в каких-то аспектах может принадлежать не главному начальнику — и где вообще нет представления о главном и единственном начальнике, так вот, эта управленческая схема оказывается слишком сложной для реализации. Так что мы имеем попытку создать достаточно простую управленческую систему, которая в принципе не в состоянии управлять сложно организованной страной. И относительная стабильность последнего времени — это исключительно следствие колоссальных доходов, когда компенсировать постоянно растущую неэффективность системы можно было просто вбрасывая новые и новые ресурсы.

В заключение выступавший предложил еще один метод исследования бюрократической системы — составление баз данных по кадровым назначениям, что позволяет заметить некоторые важные закономерности, не заметные при других методиках анализа.

Александр Фисун остановился на концептуальных истоках и рамках предлагаемого исследования феномена бюрократии. Оно может быть понято как продолжение на новом витке того, что было сделано в 60–70-е годы по отноше-

нию к Западной Европе и Третьему миру. Имеются в виду те масштабные проекты, которые были развернуты Комитетом по сравнительной политологии в Принстонском университете, который выпустил целую серию монографий по кризисам развития, по гражданской культуре, по бюрократии, по политическим партиям и так далее. А так же как продолжение того, что начинал в конце 60-х—начале 70-х гг. норвежский исследователь Стейн Роккан в Западной Европе, когда в рамках Европейского консорциума политических исследований были объединены усилия различных европейских ученых и начатся систематический сбор данных и интервью, позволивший описать процессы национального строительства не только в Третьем мире, но и в Европе. Но во всех этих исследованиях по сей день белым пятном остается и Восточная Европа, и постсоветская Евразия. Целью данного проекта как раз и может быть попытка ликвидировать это белое пятно, показать роль данного региона в процессах мирового развития после 1945 года и в период холодной войны.

Что касается изучения самой суверенной бюрократии, то сегодня достаточно ярко проявились два подхода к интерпретации термина. Если мы делаем акцент на «бюрократии», это сразу заставляет обращаться к огромной традиции ее изучения. Если акцент делается на «суверенности», то получаем феномен новой бюрократии, возникшей в Восточной Европе и постсоветской Евразии.

Эту амбивалентность можно описать двумя линиями, двумя магистральными направлениями в трактовке бюрократии. Одна — это линия Вебера и Тилли, вторая — Витфогеля, Пайпса и, может быть, Троцкого. Согласно одной традиции, бюрократия это продукт модернизации и рационального упорядочивания, закономерный продукт национального строительства. Государство должно обладать мощным административным аппаратом, способностью изымать и перераспределять ресурсы уже неким новым «посттрадиционным» способом. Это способ, который не апеллирует к примордиальным критериям, к клановости, местным традициям, осуществляет свои функции максимально нейтрально и рационально. Это то, что многими теоретиками начала Нового времени осмысливалось как *Polizeistaat*, «регулярное государство». Здесь же возникает категория государственных интересов, государство как воплощение общего интереса.

Однако в государствах Восточной Европы и постсоветской Евразии возникает иная ситуация, весьма далекая от идеала бюрократии как прозрачного рационального механизма. Бюрократия в постсоветской Евразии совершенно не хочет быть, перефразируя известные слова, «исполнительным комитетом различных групп интересов». У нас исполнительный комитет подчинил те интересы, которые должны им управлять. Эту ситуацию можно осмысливать по-разному. Исследователи из Центра Карнеги, например, пишут о «бюрократическом авторитаризме», проводя параллели с Индонезией Сухарто, Филиппинами периода Маркоса. Можно говорить о «просвещенном бонапартизме», а можно и о новой версии «диктатуры сабли над буржуазией». Наша ситуация характеризуется не автономией государства, а автономией бюрократии, точнее автономией суверенной бюрократии.

Здесь могут помочь интересные исследования западноевропейских траекторий: как и почему различались бюрократии в Англии, Франции и Пруссии? Таким образом, изучение абсолютизма периода раннего Нового времени может много объяснить и в постсоветском развитии. Постсоветское пространство тоже демонстрирует различие этих путей. Поэтому необходимо изучение состава суверенной бюрократии, выделение ее различных групп и эшелонов. Одна группа здесь — это так называемая силовая бюрократия, другая группа — отраслевая бюрократия и, наконец, есть различные эшелоны региональной бюрократии, апеллирующие к этнонациональному капиталу.

Так мы выходим на методологический «крючок», с помощью которого можем понять действия постсоветской суверенной бюрократии. Этот «крючок» состоит в том, что в любых действиях суверенной бюрократии мы должны видеть ее личные интересы — вне зависимости от той риторики, которая сопровождает эти действия. Если мы посмотрим на Европу, то увидим то же самое, все так называемые великие строители государства в первую очередь думали о собственных интересах, и лишь ретроспективная историография создает ореол бескорыстного национального строительства. Поэтому очень плодотворной была бы попытка применить этот подход к ситуации в постсоветской Евразии.

Как действует идеальная рациональная бюрократия? Удовлетворяя свои интересы, она удовлетворяет интересы всех. Нельзя априори утверждать либо альтруистическую, либо эгоистическую природу бюрократии. Скорее речь идет о некоем континууме, где иногда бюрократия поставлена в такие рамки, когда она вынуждена быть нейтральной, а в других условиях она получает возможность полной реализации своих эгоистических интересов. Когда возникает необходимость в имперских тактиках зондирования интересов масс? Когда есть угроза власти того или иного бюрократического слоя. Если такой угрозы нет — возникает полная монополия. Мы получаем возможность формирования рациональной бюрократии веберовского типа только тогда, когда для такой бюрократии есть угроза, генерируемая социальной системой. Если такой угрозы нет, то нет и стимула для удовлетворения общественных интересов. Постсоветские элиты как раз и попали в такую ситуацию, когда они совершенно лишены таких ограничителей, у них очень мало стимулов для альтруистического поведения в интересах всех. Они замыкают систему на себя, приватизируют ее. Это то, что называют *winner-take-all*, «победитель получает все». В нашем случае «победители» постсоветских реформ захватили их дивиденды и никого к ним не подпускают, поэтому они не заинтересованы в демократизации, потому что это расширение группы тех, кто так или иначе получает выигрыши.

Владимир Попов привлек внимание участников круглого стола к различным экономическим моделям, на которые опирается бюрократия в той или иной стране. Он отметил, что сегодня общераспространенно мнение, что бюрократии нужна китайская модель, это ее мечта — иметь рост по 10% в год. И сейчас примерно ясно, каковы составляющие китайской моде-

ли. Это модель экспортно-ориентированного роста и его можно организовать, применяя своего рода социальную инженерию, она базируется на субсидиях экспортерам, заниженном курсе валюты, накоплении валютных резервов. Китайская модель сегодня становится такой же популярной, как когда-то была советская модель догоняющего развития, которая в 50-е годы, например, дала самый высокий экономический рост после НЭПа.

Но советская модель провалилась, потому что была моделью импорт-замещения, индустриализация и рост не проверялись мировым рынком, в результате были очень высоки издержки, и наши «белые слоны», когда их вывели на мировой рынок и заставили конкурировать, рухнули как картонный домик.

Но у китайской модели есть слабость, и это слабость политическая, она работает только в условиях преемственности власти. В Аргентине, например, с ее неустойчивым политическим и экономическим курсом, эту модель невозможно представить. А в Китае со времен по крайней мере Дэн Сяопи-на стабильность есть.

Общераспространенным мнением является то, что суверенная бюрократия избавилась от контроля и со стороны народа, и со стороны диктаторов. Но тогда непонятно, чем суверенная бюрократия отличается от обычной «полупартийной системы», которая существует в Египте, в Мексике и многих других странах. Слабость этой системы состоит в том, что ее легко разрушить и сверху и снизу. «Оранжевые революции» демонтируют ее снизу, а фигуры вроде Горбачева могут сломать ее сверху. Нигде кроме Китая преемственность не складывается. Наша бюрократия чувствует хрупкость режима и очень боится ее.

С точки зрения экономиста, главная слабость режима суверенной бюрократии это нестабильность. Залог стабильности режима — единство элиты. И нужно сказать, что единство китайской элиты просто поразительно. Поэтому лидеры меняются, а курс остается прежним, никаких скачков не происходит. Как обеспечивается эта стабильность, это единство элит? Возможно, одним из механизмов предохранения элит от «закостевания» в Китае была «культурная революция», ослабившая бюрократический аппарат. А вот вследствие сталинских «чисток» такого механизма не возникло. После Сталина советская бюрократия заостенела. Во время войны еще существовала социальная мобильность, происходило обновление элит, позволявшее молоденьким мальчишкам становится наркомками. А с 60-х годов этот путь наверх оказался закрыт, и бюрократия заостенела.

В завершение работы круглого стола состоялась оживленная дискуссия на поднятую последним докладчиком тему — каковы механизмы предохранения бюрократии от превращения в касту, служащую только своим интересам, и может ли опыт Китая, Советского Союза и других государств, решавших сходные проблемы, быть для нас сегодня полезным?